

принять отказ в сообщении об этом «кузюме» стечению сорта консерватории.

Письмо И. Н., сделавшее подпись своей жизни Харьковскому отделению Р. М. О., основанного в 1917 г. в здании бывшего состоящего харктором музыкального театра. Музык учились в нем тогда тому назад избранным художественным союзом на место директора консерватории, достаточно известно местному музыкальному миру.

Одна из старейших учеников Харьковской консерватории, И. И. из 1887 г. была избрана почетным членом театра, сделавшим в честь 15-летия театра, одалики Р. М. О. ко премьерам А. Г. Губиной — за особенные услуги Русскому Музикальному Обществу.

Биография А. А. Борова.

Сегодня, 18 июля, в городском театре, наизнанку обернувшись талантливым артистом А. А. Боровом, Илья Ильинский разыгрывает вновь спектакль «Театр плюс», склоняясь к зрителям. Ильинский, И. Гаринский, И. Хоревский и др. На окончании спектакля, А. А. Боров изъясняет, что «таких» не бывает.

Арт. гос. театр. А. П. Петровский исп. рассказ А. И. Чехов.

А. А. Боров недавно свою службу в городском театре и его бенефис, назначенный на 18-й день, пытается прощальными для харьковской публики.

Литературная неделя.

Слово о культурѣ.

На нашихъ глазахъ разрушалось и, увы, продолжаетъ еще разрушаться то, что мы считаемъ составными частями нашей национальной культуры. Гибнутъ какъ драматы, отблески, такъ и здоровыя, сильныя части ея. Умерло русское «братьство», умираетъ наша старая дворянская традиція (въ которой доброе такъ тѣсно было сплетено со злымъ), разстрѣливаются еще церкви, порочится пародиа душа, и уродуется «паркома» даже языкъ языка. Но все это коснулось либо поверхности, либо временныхъ, преходящихъ формъ нашего бытія. Осталась въ живой цѣлости, гдѣ-то въ глубинѣ сбереглась основа нашей культуры: въ таинственная, религіозная душа нашего народа, проглядывающая изъ-подъ щекти, и прекрасный языкъ нашъ, и великая духовная традиція, которая отъ Державина и Пушкина, хотя бы, чрезъ Достоевскаго и Тютчева ведеть къ Блоку, — связь наша съ прошлымъ и залогъ будущаго.

Этотъ ненужаемой и ненасыщающей русской культурѣ (пътному, а не временными обличьями) и послѣдованія небольшая, но глубоко цѣнная книжка, вышедшая въ Москвѣ въ концѣ прошлаго года: «Слово о культурѣ», сборникъ критическихъ и философскихъ статей (изд. Германъ-Константиновъ, М. 1918. Стр. 90. Ц. б. р.). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоять внимательно перебратъ, статьи за статьи, съ содержаніемъ.

Сборникъ открывается вѣdomомъ М. Гершензонъ «Душъ и душа» — биографіи двухъ словъ. Съ большой тонкостью прослѣживается здесь, какъ слово «духъ», исходя отъ первоначального значенія «пуновеніе, вѣяніе» постепенно, съ помощью присоединенія суффиксовъ или самостоятельно, расширяю и обогащая свой смыслъ. Слово «душа», женское дополненіе къ «духу», возникло изъ него, какъ Ева изъ ребра Адама. Эта глава изъ духовной истории русскаго языка есть въ то же время и глава изъ истории русскаго «смысла», русской души.

Въ статьѣ «новое лицо въ «Бѣзакъ-Достоевскаго», С. Борщевскій изслѣдуетъ образъ рассказчика, — того пассивнаго участника событий, отъ имени котораго ведется повѣсткованіе, и который далеко не совпадаетъ съ личностью автора. Въ «рассказчикахъ» соединились два стихіи. Одна, мелочно-нравственная, уподобляющая его порой «черту» Ивана Карамазова, сказалась въ пересмѣшливой, художественной манерѣ изображенія имъ ряда лицъ, въ особенности Степана Трофимича Верховенского (карикатуры на Грановскаго); другая — въ чистомъ преклоненіи его предъ Лизаветой Николаевной. Первая, въ замыслѣ Достоевскаго, — надуманная, непрападная; вторая — чистая и художественно правдивая.

Если и не все въ статьѣ одинаково убѣдительны (напр., утвержденіе, что романъ въ цѣломъ художественно не удался), уже то ея большое достоинство, что она открываетъ новую проблему. После этого хочется поставить вопросъ шире. Автобиографическая форма, т. е. приемъ повѣсткованія отъ имени какого-то «я», столь часто применявшійся Достоевскимъ, недостаточно оценена и изучена. Если, по примеру С. Борщевскаго, пройдти въ это приемъ на протяженіи всего творчества Достоевскаго, это можетъ пролить новый светъ и на художественные замыслы, и на идеологію его.

насыщенный ясной мыслью. Главные московские учители этой макеры — М. Гершензонъ и Е. Ивановъ. Начало же этой замѣчательной идеи и культурной традиціи положено едва ли не сборникомъ «Вѣхи» (1905 г.).

Будничество и значительность — вотъ основные черты этой новой, глубоко национальной школы мысли, отъ которой мы и впередѣ ждемъ столь важныхъ и нужныхъ намъ сейчасъ словъ о культурѣ, всечеловѣческой и русской культурѣ.

А. А. Смирновъ.

Е. В. Задонская †. Во время большевистской царствований на Волчанскій уѣздѣ Харьковской губ. знатокъ этого года вогнал отъ руки бѣлья Евдокима Задонской, одни изъ старейшихъ представителей изъ-заѣзжаго дворянскаго рода, уроженцевъ Нежданова, авторъ спиритическихъ маневровъ, издававшихъ Харьковскій губ. изъ 1908—1910 гг. подъ заглавиемъ «Бѣхъ XIX столѣтія (дѣлъ мои)». Книга, написанная частью въ формѣ воспоминаний, частью въ формѣ драматической, авторъ правдивой и обстоятельной хроникой жизни племянниковъ семейства Харьковской губ. во периодѣ съ 40-хъ до конца прошлаго вѣка (дополненія захватываютъ и начало 1910-го) и представляютъ собою чрезвычайно ценный исторический и научный документъ. Это какъ бы живы вѣдомства изъ опасливыхъ «старинныхъ усадебъ» Харьковской губ.: «она знаютъ насъ съ юности, гѣвѣшили и мыслѣшили въ формѣ памятниковыхъ лекций классическаго и барочнаго стилей. События, изъ жизни, такъ какъ въ «Бѣхѣ» — въ сборникеъ гностической сказки, въ обработкѣ А. М. Гемзинъ (С. Задонска сказка) — по изданію въ 1914 г. письменъ Потапова. Въ обширѣ покоряется изъ прошлаго вѣка (дополненія захватываютъ и начало 1910-го). Отъ этого не индивидуальность, Тютчевъ — поэтъ космоса, въ противоположность хаосу. Политически это выражается антигейтъ: хаосъ — Задонскъ (индивидуализмъ и революція), космъ — Россия (благообразіе). Вопреки общепринятому взгляду, поэзія Тютчева въ основе своей религіозна. Отъ напора своего «я» онъ ищетъ приближения именно въ религіи, которая у него — «религія отчакія».

Цѣлыхъ двѣ статьи сборника посвящены поэзіи Блока. Одна, «Лѣтеніяльда — «Позія Блока» — единственная во всемъ сборникеъ, вызывающая острое несогласіе. Для автора Блока — поэтъ «прекрасной Дамы» лишь на часъ, постоянно напоминающій ей въ хмульномъ угарѣ, съ «цимбономъ», «козакомъ» въ маскѣ и т. п. Но и «глѣтнорый духъ» — какъ то глубоко вошелъ въ него... Особнякомъ стоитъ поэма «Дѣйнадцати», которая «отталкивается отъ мѣстами своей грубыстю», «не бѣдна словесными шероховатостями» (!) и т. п. — Какой плоскій подходъ съ элементарными критеріями «естетственія!» Удивительно, какъ ускользнуло отъ Ю. Адкенвальда, обычно болѣе чуткаго, глубокаго единства въ творчествѣ Блока всѣхъ его періодовъ. Вѣдь еще недавно (въ альманахѣ «Вѣхъ») А. Бѣлый превосходно показалъ, какъ «Незнакомка», «Маска» и т. п. являются роковыми и страшническими преломленіями, образъ «прекрасной Дамы», преломленіями ведущими къ образу «Руси». И стоитъ сделать еще одинъ шагъ — и станетъ ясна связь съ прежними Блокомъ и его «Дѣйнадцати» (см. объ этомъ статью М. Волошина въ послѣдней № Харьковской «Каменіи»).

Блока, въ его періодовъ, Вѣдь еще недавно (въ альманахѣ «Вѣхъ») А. Бѣлый превосходно показалъ, какъ «Незнакомка», «Маска» и т. п. являются роковыми и страшническими преломленіями, образъ «прекрасной Дамы», преломленіями ведущими къ образу «Руси». И стоитъ сделать еще одинъ шагъ — и станетъ ясна связь съ прежними Блокомъ и его «Дѣйнадцати» (см. объ этомъ статью М. Волошина въ послѣдней № Харьковской «Каменіи»).

Зато богата глубокими мыслями статья С. Гордона «Приспособленіе къ трагедіи. (О лѣтомъ народничествѣ)». Рѣчь идетъ о цѣлой группѣ поэтовъ — Есенинъ, Клюевъ, А. Бѣлому, и болѣе всего — А. Блокѣ послѣднаго періода. Этихъ духовныхъ страстотерпцевъ характеризуетъ «апогеозъ жертвы»; они влекутъ къ страданію, мыслимому или какъ необходимая трагедія, или владѣютъ «мощью объ искуплении». И мудрѣмъ предстороженіемъ заучатъ слова автора: «Но должно замѣтить, что многократность, непрерывность воплощенія христіанскаго миѳа объ искуплении искажаетъ его изначальный великий смыслъ».

Самое цѣнное, однако, въ сборникеъ — то, что не покрываетъ его содержаніемъ, но само его покрываетъ. Это единство міровоззрѣнія лежащаго въ его основе. Ни одна статья не кажется случайной или эпизодической, но въсѣ онъ имѣютъ общія предпосылки. Не трудно назвать главную изъ нихъ: это — релігіозный подходъ къ культурѣ и жизни, въ томъ духѣ, въ какомъ онъ намѣченъ новой русской (и именно московской) религіозно-философской школой. Единство школы чувствуется въ самихъ приемахъ мысли, и даже въ формѣ изложения: за исключениемъ Адкенвальда, какъ всегда-чрезмѣрно изысканныхъ и мозаичнаго, слога смѣшанного и папилярного, и притомъ склоняется до папилярности, и притомъ — именемъ

А. Тиховъ.

Игра. Не — периодическое издание, посвященное воспитанию погредствомъ игры. Изд. театр. Отд. Нар. Ком. по Просвѣщенію. № 1 и 2, Ц. 2 р. 50 к. и в. Ред. П. Мироновский. Петроградъ 1918 г.

Составленіе невозможныхъ прошений, договоровъ, контрактовъ. Издатель И. А. Смирновъ. СПб. 1918 г.

и детскомъ, и въ драматическомъ и рассказчиковъ, и о римской гематите, и о греческихъ вѣществахъ и т. д. и т. д. Но самое интересное разыграли бѣлые первые въ большомъ количествѣ.

ТРЕБУЮТСЯ СЧЕТОВОДЫ

и счетоводы.

ТРЕБУЕТСЯ ПРИСЛУГА

и счетоводы.

ТРЕБУЕТСЯ ПРИСЛУГА